

КУЗНЕЦКИЙ ТЕКСТ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время в отечественном литературоведении актуальным является изучение больших текстовых структур, так называемых свертхтекстов. И если «именные тексты» находятся в начальной стадии исследования, то в изучении «городских текстов» уже сложились определенные традиции. Здесь мы можем назвать имена ученых, работы которых стали хрестоматийными (И.М.Гревс, Н.П.Анциферов, Ю.М.Лотман, В.Н.Топоров), и имена исследователей-современников (К.Линч, В.Глазичев, А.Пелипенко, В.Абашев, Н.Меднис). Все обращаются к городу как к особому живому организму, имеющему своё «лицо», свою «душу». Об этом ещё в начале 20 века писал Н.П.Анциферов: «Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток, город доступен нам не только в частях, во фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей жизнью, будет жить и после нас, служа приютом и поприщем для деятельности наших потомков. Город для изучения самый конкретный культурно-исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам» [1:29].

Но не все города способны порождать связанные с ними свертхтексты: «Город, сам будучи центром, с первых времен постоянно упорядочивал свою внутреннюю структуру, также ориентируясь на центрическую модель мира. И дело не только в том, что центром города всегда был храм, но и в том, что расположение всех его составляющих (...) всё это не было случайным. Весь город во внутренней структуре его ориентировался на сакральную топологию, на которую было также сориентировано и местоположение его в системе географических, но сакрализованных координат. Более того, мыслилось, что всякий город, подобно Иерусалиму, имеет своего небесного двойника и своего небесного покровителя. Таким образом, города всегда обладали некой ослабевающей или усиливающейся со временем метафизической аурой. Степенью выраженности этой ауры (...) во многом определяется способность или неспособность городов порождать связанные с ними свертхтексты» [2:22-23]. Такую сильную метафизическую ауру имеют Санкт-Петербург, Москва, Венеция, Рим, Флоренция, Париж, Берлин, Неаполь и некоторые другие. Если говорить о городах российской провинции, то с уверенностью можно заявить, что немногие из них образуют свой литературный свертхтекст. Н.Е.Меднис утверждает, что «единственным достаточно полно исследованным городским образом русской провинции является на сегодня Пермь, удачная попытка описания которой как текста и литературного концепта была предпринята В.Абашевым» [2:70]. Введенное последним понятие «локального текста» как «парадигматически и синтагматически структурированного смыслового единства, воспроизведенного во множестве отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), во всем многообразии речевых жанров, объединённых предметом описания и высказывания – определённым локусом» [3:7-8], мы будем использовать как одно из основных в нашей работе по исследованию кузнецкого текста.

Следует отметить, что количество текстов о Кузнецке в русской литературе несравненно меньше, чем текстов о Москве или Петербурге, тем не менее черты кузнецкого текста вполне различимы. Здесь мы можем назвать имена известные широкому кругу читателей: Ф.М.Достоевский, Л.П.Блюммер, Вен. Булгаков, В.Шишков, В.Маяковский, И.Эренбург, В.Зазубрин, А.Бек и имена местных писателей: Г.Емельянов, И.Конюхов, Г.Немченко, Л.Никонова, А.Ябров и ряд других.

Кузнецк (сегодняшний Новокузнецк) – один из старейших городов Сибири, имеющий почти 400-летнюю историю. Основанный в 1618г. томскими казаками но-

вый острог получил нехарактерное для того времени название. Хорошо известен тот факт, что по традиции вновь построенные в 16-17 вв. сибирские остроги-города получали имена либо от гидронима (Тобольск, Томск, Тюмень, Иркутск), либо от этнонима (Якутск, Ачинск, Мангазея). Кузнецк же получил своё наименование от названия ремесла, которым занимались шорцы-абинцы – редкое среди тюркских народов племя, которое не просто вело оседлый образ жизни, но и занималось ремеслом. Казаки узнали об этом народе от томских татар, которые называли шорцев-абинцев «устар», что было переведено на русский язык как «кузнецы». Исследователь шорской культуры Г.Косточаков пишет, что «кузнечное дело было не просто ремеслом, а целым мировоззрением и образом жизни. Кузнецы почитались наравне с шаманами и кайчи. Кузнечным делом могли заниматься не все, а лишь избранные (...). У кузнецов был свой бог-покровитель, звали его Аб (Аба). И имя это не произносилось всуе... Вместо него обычно употреблялось слово «ус» – «кузнец». И в сознании тюрков Западной Сибири имя этого бога –покровителя – Аб (Аба) соединялось с этнонимом аба (абинцы) и словом-понятием «устар-кузнец». Так получалось, что название племени Аба произошло от имени бога-покровителя, а значит, абинцы и кузнецы – это одно и то же. Обычное звуковое сходство удачно связало в тюркских языках этноним и традиционное ремесло абинцев-шорцев» [4:4]. Так появился сначала Кузнецкий острог, потом город Кузнецк и все производные топонимы: Кузнецкий край, Кузнецкая котловина, Кузнецкий Алатау, Кузнецкий угольный бассейн. Среди населения долгое время бытовала легенда, объясняющая название города. В историко-статистическом очерке Н. Кострова (1879г.) мы можем её прочесть: «У Кузнецких татар до сего времени сохранилось предание о постройке Кузнецкого острога. По их рассказам, на месте нынешнего города Кузнецка жил некогда народ Абинцы (Абазар), у которого устроено было укрепление. Когда Русские не могли взять это укрепление силой, то прибегли к хитрости: они вошли в него посредством подкопа, и внезапное появление их пред осаждёнными Абинцами до того поразило последних, что они беспрекословно признали над собою власть победителей. Несколько времени спустя, дошло это до сведения Русского Царя и он спросил, каким ремеслом занимается завоеванный народ? Когда ему сказали, что большая часть его кузнецы, то он повелел, чтобы выстроенный в их земле город назывался Кузнецком» [5:62].

По мнению Ю.М. Лотмана, основными факторами развития семиотики места является структура пространства и имя. Город, появившийся в нач.17в., получил имя, связанное со стихией огня и металла. Но эти стихии на протяжении 17-19 вв. как будто дремали: местные жители (служилые, крестьяне, мещане) не занимались кузнечным ремеслом. Таким образом, в течение трех веков город носил имя, которое никак не соотносилось с его жизнью. Только в 20в. город и имя получают второе рождение. Семантика имени, дремавшая 300 лет, вдруг прорывается с новой, необыкновенной силой. На другом берегу реки строится огромный металлургический комбинат, новый город, который получает название Новокузнецк. Через некоторое время к Новокузнецку был присоединен и старый Кузнецк. Так в 1932г. «новое» победило «старое» в Кузнецке. На долгие годы была забыта первая дата рождения города, разрушены репрезентирующие город памятники истории и культуры: Спасо-Преображенский собор (первая кузнецкая церковь), Кузнецкая крепость, Одигитриевская церковь (здесь в 1857г. венчался Ф.М.Достоевский); в течение всего 20в. велась полемика о том, быть или не быть музею Достоевского в Новокузнецке. А новый, совсем молодой город теперь полностью оправдывал семантику своего имени. Слова «металл», «сталь», «чугун», «прокат» и т.п. стали основными в жизни людей, так как практически всё население города было связано с заводом. О строительстве завода, о «старом» и «новом» в Кузнецке в 1932-34гг. напишет роман И.Эренбург и даст ему очень знаковое название «День второй». В советскую эпоху многие города переименовывали, давая имена партийных деятелей (Калинин, Ленинград,

Свердловск, Фрунзе и др.). Не обошла эта участь и Новокузнецк, который в 1932г. получил имя Сталинск. Звучание изменилось, но семантика осталась прежней, и в большом количестве художественной и публицистической литературы, созданной в советское время, город называют «стальным сердцем страны», «городом огня и металла», «всесоюзной кузницей» и др. подобными определениями.

Как мы уже говорили, вторым важным компонентом развития семиотики города является пространство. В связи с пространством Ю.М.Лотман выделяет 2 типа города: концентрический и эксцентрический. Кузнецк, без сомнения, относится ко 2-му типу. «Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящейся в борьбе с нею, что даёт двойственную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращённости естественного порядка – с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обречённости и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [6:321]. Возникший в 17в. в диком и необжитом крае город-остров отвоевал своё пространство у тайги. В знак необжитости места в 1622г. городу была дана печать с изображением волка. Это был один из первых символов города. Первые сто лет своего существования Кузнецк был самым южным русским форпостом в Сибири, пограничным городом, городом-воином, отражавшим бесчисленные набеги диких тюркских племен. В эти нестабильные годы появилась легенда о святом защитнике и покровителе города Илье-пророке. Она зафиксирована во многих историко-статистических очерках, например в «Кузнецкой летописи» И.С.Конюхова 1867г. «Пленные калмыки или киргизы якобы сказывали, что с гор, лежащих близ города, видели в селе Ильинском большое войско, предводительствуемое седым стариком, ездящим на белом коне, а также во время набегов калмыков на село Ильинское видели такого же старика на белом коне и от него столб огненный до неба, и Аон поражал татар; сие русские относят к Илии пророку...» [7:22]. Есть и другие легенды: о 12-летнем мальчике, спасшем город от разорения племенем туканцев [5:65]; о татарине Кузедееве, водившем Чудь [5:64-65]; о хитром и смелом жителе Серебрянникове, защитившем город от калмыков [5:65].

Кузнецк долгое время оставался городом «на краю» культурного пространства». Тайга и таящиеся в ней злые силы, дикость нравов жителей, их невежество стали основными мотивами при описании Кузнецка и кузнецян в 19-20 веке. Количество текстов, относящихся к 18 веку, очень мало – это историко-статистически-географические очерки, появившиеся в связи с изучением и промышленным освоением Сибири. В 1734 году появились «Описания Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года» Герарда Фридриха Миллера и «Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 года» Иоганна Георга Гмелина, а в 1773 году на основе материалов Миллера для «Географического лексикона Российского государства...» была составлена статья о Кузнецке Ф.А. Полуниным. Их описания города сухи и фактографичны, и для нас интересны лишь фактом существования.

Более интересными для формирования кузнецкого текста становятся 19-20 века. У писателей 19 века (Ф.М. Достоевский, Л.П. Блюммер, И.С. Конюхов) Кузнецк – это тихий, маленький, захолустный город, погруженный в мертвенный сон, сплетничающий, пьянствующий, страдающий от безделья. Перечисленные семантические определения представляют «характерный тип далекого губернского захолустья» (Е.Ф.Шмурло), нашедший отражение в романе Л.П.Блюммера «На Алтае», где Кузнецк назван Ковальском: «Как счастливо и благополучно жили тогда ковалычи! В кои веки их мирное и благоденственное житие нарушалось какими-нибудь особенными происшествиями, вро-

де смены власти предрежающей, ревизии вновь прибывшего губернатора, вообще, наплыва иноплемеников или пожара. Самое бесшабашное пьянство, сильнейшее взаимное мордобитие служилого и неслужилого элементов, сплетни и кляузы не нарушали общей гармонии» [8:28]. Вен.Булгаков сравнивает родной город со «спящей царевной», где человеку не на что потратить свою умственную энергию кроме игры в карты. На Ф.М.Достоевского, побывавшего в Кузнецке трижды, город произвел самое мрачное впечатление. В письмах 1854-1857гг. он называет Кузнецк не иначе как «городошко», где живут «враги», «шпионы», «дряни», «гады» и «гадины», которые сплетничают и интригуют. «Жить в Кузнецке ужасно», – пишет он барону Врангелю [9: т.28-245], «гадость кузнецкая» [9: т.28-231], «Кузнецк? Подлость!» [9: т.28-235], «вечный Кузнецк» [9: т.28-236] – такими определениями характеризует город Достоевский.

Исторические события нач.20 века дали новый толчок для дальнейшего развития кузнецкого текста. Нужно отметить, что произведения В.Шишкова, И.Эренбурга, В.Зазубрина, А.Бека, В.Маяковского, Г.Емельянова, Г.Немченко и др., репрезентирующие город, более информативны для формирования нашего локального текста.

В основной массе романов и повестей, написанных в первой половине 20 века, Новокузнецк – это город с большим будущим, гигант металлургии, где будут жить необыкновенные люди: «Город Кузнецк стоит на золоте, угле, железе...этот город станет центром богатейшего края, ...городу этому суждено расцвести...» [10]. «Здесь стройки встанут стенами», «Мы в сотню солнц мартенами воспламеним Сибирь», «Через четыре года здесь будет город-сад», – у Маяковского в «Рассказе Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» [11: т.1-610]. Совсем иным видим мы город в романе И.Эренбурга «День второй», где представлены «старые» и «новые» реалии. Автор обращается к прошлому, к экзотической природе: «В стороне был город – Кузнецк. Над городом белели развалины крепостной церкви», «Иногда в ясный день показывались горы, голубые, как вымысел. Там жили шорцы. Никто не знал толком, как они живут. Они уходили из своих улусов в тайгу, били медведей, выдр и белок. Шаман ударял в большой бубен и на непонятном языке разговаривал с духами», «Когда пришли сюда люди с машинами, шорцы смутились. Машины бежали по степи и рычали. Пришельцы начали рубить тайгу. Тогда шорцы ушли прочь. ...В августе то и дело горела тайга. Шаманы говорили, что злые духи разгневаны». [12: т.3-216].

Во второй половине 20 века интерес к локальной тематике появляется у местных писателей и поэтов (Л.Никонова, А.Ябров, Г.Емельянов, Г.Немченко и др.). Появляются светлые краски, возвращается интерес к истории города, к памятникам культуры и архитектуры, что прослеживается в названиях литературных объединений (напр. «Притомье», «Фесковские литераторы»), литературно-художественного альманаха («Кузнецкая крепость»), сборника краеведческих статей («Кузнецкая старина») и т.п.

В заключении хотелось бы отметить, что изучение кузнецкого текста как локального находится в начальной стадии исследования, тем не менее, проведённая нами работа доказывает, что кузнецкий текст имеет место быть, и исследование будет продолжено.

Примечания:

1. Анциферов Н.П. Непостижимый город. – Л., 1991.
2. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск, 2003.
3. Абашев В. Пермь как текст. Автореферат диссертации.
4. Косточаков Г. Почему Кузнецк, а не Абинск, не Кондомск? //Кузнецкий рабочий. 1998. 2июля.
5. Костров Н. Город Кузнецк. Историко-статистический очерк // Повествование о земле Кузнецкой / Сост. В.В.Тогулев. – Кемерово, 1992.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – Спб., 2000.

7. Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. – Новокузнецк, 1995.
8. Блюммер Л.П. На Алтае. – Новокузнецк, 1993..
9. Достоевский Ф.М. Письма // Достоевский Ф.М. ПСС: В 30тт. – Л., 1972-1990.
10. Зазубрин В. Неезженными дорогами //Сибирские огни. 1926. №3.
11. Маяковский В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка // Маяковский В. Соч. в 2тт. – М., 1987.
12. Эренбург И. День второй //Эренбург И. Собр.соч.: В 8тт. – М., 1991.

© Ключкова Ю.В.
г. Екатеринбург

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ГОРОДСКИЕ ЛОКУСЫ: ХАРИТОНОВСКИЙ ДОМ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

В любом городе есть локусы, обладающие особой символической насыщенностью. Это могут быть места, где происходили исторические события, памятники архитектуры, просто красивые городские ландшафты, водоем или возвышенность. Все эти характеристики относятся к екатеринбургскому архитектурному ансамблю, ведущему свою историю с конца XVIII века — Харитоновскому дворцу (Харитоновскому дому, Харитошке, Дворцу пионеров, Дворцу творчества учащихся). Само разнообразие названий говорит о том, что дом не просто является «памятным местом» города, но и принимает живейшее участие в его жизни, представляет своего рода зеркало городских событий.

Вот как описывал дом и окружающий парк в 1837 году житель города: «На горе, недалеко от церкви стоит огромный каменный трехэтажный дом прекрасной архитектуры, принадлежащий наследникам купца Расторгуева. Смотри из этого дома, видишь восхитительную картину всего города и его окрестностей. К задней части сего дома примыкает огромный сад, расположенный по скату горы, в английском вкусе, с прекрасными цветниками, оранжереями, беседками и прудком» [1:192]. Своей вызывающей для провинции классицистической красотой и гармонией форм, величиной, особым расположением — в центре города, на высоком месте (Вознесенская горка), рядом с храмом (Церковь Вознесения Господня), он сразу приковывал к себе внимание. А принадлежность особняка семье миллионеров, золотопромышленников и заводовладельцев, являющихся к тому же старообрядцами, окружала его дополнительной таинственностью и наводила на мысль о кладах, подземных ходах и прочих скрытых от глаз обычного человека вещах.

Внешний облик и необычная история дома говорит о том, что он был «обречен» на возникновение вокруг него городских мифов и преданий. Один из мифов Харитоновского дома связан с его зодчим — безымянным архитектором, томящемся в тобольской каторге. Предание гласит, миллионер Расторгуев пообещал архитектору выкупить его с каторги, но не сделал этого. Неизвестный архитектор, не дождавшись освобождения, повесился в пересыльной тюрьме. Трагическая смерть художника лишила всех живущих в доме счастливого будущего: наследник Расторгуева П. Я. Харитонов был сослан в Финляндию после правительственной инспекции на принадлежавшие ему заводы в Кыштыме за жестокое обращение с рабочими, хотя, по видимому, главным поводом к наказанию была принадлежность семьи к расколу (обширные подвалы в доме и подземные ходы в парке характерны для особняков, принадлежащих раскольникам, но городские легенды гласят, что в подвалах мучили непокорных работников с заводов, и их стоны разносились ночами по округе).

После ссылки Харитонова дом опустел. Иногда его использовали для городских нужд: здесь останавливались именитые путешественники (Александр I, наследник, будущий император Александр II, герцог М. Лейхтенбергский), Екатеринбург прощал-